Никита Горшкалев

Бенгардийская история

6+

Никита Горшкалев

Бенгардийская история

«Автор»
2022

Горшкалев Н. О.

Бенгардийская история / Н. О. Горшкалев — «Автор», 2022

В мире, в котором достаточно закрыть глаза, чтобы случилось чудо, не осталось места удивлениям. В таком мире, в маленьком тигрином королевстве Бенгардия, живёт тигрёнок по имени Ананд. В школе сплошная скука: учительница заставляет превращать шерстинки в травинки. Но Ананду этого мало: он хочет делать настоящие чудеса! Только бы местные задиры всё не испортили. А ещё поговаривают, что в башне королевского дворца обитает чудовище... Надо поскорее обо всём разузнать! Любопытство сгубило кошку. О, Бенгардия, моя бедная Бенгардия, если бы только знала, куда любопытство заведёт тигрёнка Ананда! Скорее закройте глаза, разожгите в себе искру – и вы узнаете.

© Горшкалев Н. О., 2022
© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. Жилище Кузнечика 5
Глава 2. Молочные зубы и эдельвейсы 11
Глава 3. Кочующий остров, полный цветов 15
Глава 4. Ри-Ри 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Никита Горшкалев
Бенгардийская история

Глава 1. Жилище Кузнечика

Ананд был самым счастливым тигрёнком во всей Бенгардии.

Было чудесное летнее утро, и казалось, что лето не закончится никогда. Ананд собирался в школу. Ему только что исполнилось девять лет. Он жил в маленьком королевстве Бенгардия, в хижине, вместе со своим отцом.

Маленькое королевство стояло на острове Буйном. От остального мира Бенгардию отгораживал высокий забор из заострённых, как заточенные карандаши, и голеньких бревён, гладких и холодных, словно камень.

Хижины в деревне держались на земле твёрдо, как коренные зубы, ровными рядками. Добротные были хижины, на века, и простые, но по-своему красивые в своей простоте.

Убранство дома Ананда тоже было нехитрым, если не сказать – скудным. Впрочем, как и в любом другом доме в бенгардийской деревне: одна комната, в ней две кровати, больших, как лодки, и такой же большой стол. На полу нежился ковёр – ну точно ленивая ящерица – и то ли подмигивал своими узорами, то ли подавал тайные знаки. В углу – алтарь, а на алтаре из-под лоскутного одеяла из кучных весёлых цветов выглядывали статуэтки артифексов – тех, кому поклонялись бенгардийцы. Над всеми возвышалась статуэтка Белой Матери-тигрицы, главного артифекса, создательницы этого мира.

Отца Ананда звали Прабхакар. Прабхакар служил кузнецом при королевском дворе, но не имел ни кузницы, ни горна, ни наковальни, ни мехов. Конечно, для всех остальных бенгардийцев в кузнеце без кузни не было ничего необычного, как никто не удивлялся школе, в которую ходил Ананд. Бенгардийцы давным-давно ничему не удивлялись, разве что героическим поступкам и великим делам. Но и для подвигов и свершений в Бенгардии не осталось места.

Почему же Прабхакар был необычным кузнецом? Прабхакар – тигр внешне сухой и тонкий, точно стебель овса, со складкой обвисшей кожи на подбородке, похожей на зоб у индюка или на старый носок. Когда он задирал нос, что бывало, надо сказать, довольно редко, – складка расправлялась. Но внутри, в груди у Прабхакара, билось золотое сердце: он честно отвешивал всем и каждому доброту и любовь, за свою долгую жизнь не выгнал из дома ни одного паучка и умел видеть, как в каждом предмете и вещи говорит жизнь.

Если по неосторожности разбивалась ваза, Прабхакар мог пустить слезинку. Но потом он обязательно склеивал черепки, и вот ожившая ваза уже благодарит его, млеет, как толстобёдрая кухарка. Поэтому из каждого уголка хижины таращилась всякая-всячина: глиняные горшочки, напоминавшие свернувшихся калачиком звериков, и вазочки; тарелки, такие же разные, как планеты в телескопе; фигурки птиц и зверей, вырезанные из дерева и выточенные из камня – простые, как соль или вода, и пёстрые, словно радуга в растоптанной сапогами луже. Крылья, клювы, хвосты у фигурок, некогда сломанные по чьему-то обидному недоразумению, Прабхакар возвращал на их законные места. Но там, где крыло крепилось к спине, а хвост – к заду, не было ни шва, ни ободка, ни горбатых капель клея – ну ничего! И не потому, что он был мастером на все лапы, пусть лапы у него и были такие же золотые, как его сердце, но даже с ними, как ни крути, так гладко не починишь. И это была тайна бенгардийского тигра Прабхакара: в нём горела искра: он закрывал глаза (а чтобы чудо свершилось, нужно их все-непременно закрыть!), и она зажигалась в его душе. А с искрой он мог творить невообразимое и чудесное: шить без ниток, забивать гвозди без молотка, ковать без кузни и вообще являть

на свет любые предметы и вещи. Но его тайна не была тайной для остальных бенгардийцев. В каждом тигре и тигрёнке горела искра. И тигрёнок Ананд не был исключением.

Этим утром Ананд спешил на занятие искусного овладения искусством искры. Отец с головой ушёл в работу и мастерил доспехи, как и полагается мастерить искрой, с закрытыми глазами, и не видел, как его сын, с оглядкой вынув из-под подушки какой-то платочек, сунул платочек в сумку. Над столом парили, будто подвешенные на леске, хоть никакой лески не было и в помине, нагрудник с набрюшником, напоминающие рыбу без головы и хвоста. Прабхакар невыносимо медленно водил лапой между чёрными вставками из драгоценного камня обсидиана и цветочным орнаментом, и под лапой проступала красная краска.

Ананд переоделся без помощи лап, одной лишь искрой в свою красную набедренную повязку – повязка сама опоясала его, а её свободный край повязался вокруг его шеи на манер шарфа. Ему нравилась школьная форма: когда он бежал быстрее ветра, повязка парусом вздувалась на его спине и развевалась плащом.

Прабхакар носил повязку другого цвета – зелёного, потому что давно окончил школу, а все взрослые бенгардийцы, за исключением стражников и королевской семьи, носили зелёную набедренную повязку. Повязка волнисто спадала с узких, зажатых плеч Прабхакара.

Сын клюнул отца поцелуем в щёку, и тот полуобернулся, не открывая глаз, но взамен одарил сына щедрой и полной любви улыбкой. Чтобы не отвлекаться от работы, отец попросил сына налить ему в блюдце воды. Но Ананд спешил: он искрой поднял в воздух кувшин, перестарался и наклонил кувшин слишком резко, рывком, – вода полилась через край блюдца, прямо Прабхакару на лапы. Прабхакар дёрнулся, мазнул краской по цветочному узору, и весь его труд пошёл насмарку. Ананд испугался, забыл про искру – кувшин грохнулся на стол, разбился, окатив отца с сыном водой. Сын засуетился вокруг отца, бесконечно извиняясь, но отец убедил сына, что ничего страшного не случилось, и, успокоив, отправил в школу.

Ананд выбежал на улицу, шумно выдохнул, высушил себя искрой и кинул взгляд на королевский дворец. Как известно, у каждого королевства должен быть свой дворец, а Бенгардия была пусть и маленьким, но всё-таки королевством: когда-то давным-давно в базальтовых столбах, помнящих ещё первое бенгардийское племя, тигры выбили искрой ходы, а потом – галереи, залы, покои. Теперь же на столбах, отделанных чёрным камнем обсидианом, раскинулись висячие сады, качались, как змеи, лианы. А между листьями и цветами золотом переливалась на солнце бенгардийская вязь – письменность народа Бенгардии – причудливая и затейливая, похожая на то, как спутываются корни у одуванчика. А ещё вязью был помечен лоб каждого бенгардийца: этот корень одуванчика, бледно-жёлтый, еле видимый, покрывал синюю звезду с тридцатью шестью лучиками, а один из лучиков, если приглядеться, был надломлен.

Почти у самой вершины дворца, на его переднем и заднем фасаде, прободая его насквозь, поднимались два золотых рога, вроде охотничьих. Внутри дворца они соединялись узенькими и крошечными лабиринтами, и, когда в них задували ветра, по всей Бенгардии раскатывался трубный вой – смесь звуков из кошачьего мурчания и урчания кита.

Казалось, какой-то великан с тонкой душой задумал собрать какую-то фигуру типа треугольника, но так и не закончил её и сложил дворец из столбиков, где один столбик был выше другого, и расставил их – как гроссмейстер ставит на шахматную доску ферзя – изящным движением своих великаньих пальцев.

Ананд плотно закрыл за собой дверь, чтобы никакие звуки не отвлекали отца от работы: ни чудесные, ни внезапно громкие и оттого ужасные. Напряжённый труд Прабхакара требовал полного сосредоточения, а без внимания, как ни старайся, искру в себе не разожжёшь. И тигрёнок так бы и побежал дальше по своим делам, если бы не увидел на двери выцарапанную когтём надпись: «Жилище Кузнечика». Он догадывался, кто мог нанести это оскорбление, и стиснул от негодования зубы.

Разумеется, в кузнечике самом по себе не было ничего оскорбительного. Но «кузнечиком» когда-то прозвали его отца двое местных задир – Акил и Фар, двое братьев, старшие ребята, которые обучались в другой школе – школе искусного овладения искусством искры и боевыми искусствами. Прозвали за то, что Прабхакар в своей зелёной повязке, из-за его нескладного сложения, странной походки как-то вприпрыжку и вечного весёлого и мечтательного стрекотания себе под нос очень походил на кузнечика. И, чтобы проверить догадку, Ананд приложил лапу к надписи, закрыл глаза и увидел сначала неразборчиво, а спустя мгновение совершенно чётко и ясно – две голубые ниточки, похожие на те, из которых вяжут шерстяные свитера, – незримые связи. Незримые связи были тем умением, что приобретаешь сразу, как только подчинишь себе искру, – этакая основа основ.

И, не раскрывая глаз, Ананд побежал по нитям, вдыхая рыбий дух – это взрослые возвращались с рыбалки с уловом. Его нос раздразнивала рыжая, кирпичного цвета пряность, которую несли на своих прогнувшихся спинах в корзинах стайки тигриц (он видел их выгнутые оврагами спины, хотя в эту минуту не видел ничего!); он слышал, как на их головах плещется в кувшинах вода, слышал позванивающий жеманный смех беспечно прогуливающихся молодых тигриц и бряцанье доспехов королевской стражи. Почувствовал, как ветер, подхватив песок из-под лап резвящихся совсем ещё маленьких тигрят, швырнул песок ему в мордочку – пришлось умываться на бегу.

Ананд открыл глаза, только когда две голубые ниточки почти оборвались. Старшие тигрята сидели кругом, а в круге, показывая чудеса кошачьей грации, боролись в облаке пыли двое учеников. Учитель, возвышаясь над всеми, следил за боем строгим, оценивающим взглядом: на поле боя двое его учеников, казалось, совсем не касались друг друга: один проскальзывал под лапами другого, другой уклонялся от ударов, втягивая голову в плечи, прижимался к земле, пятился, подпрыгивал и перепрыгивал через соперника, выгибаясь в прыжке. Потом в ход пошла искра, и Акил превратился в воду, расплескавшись на песке лужицей. Фар потерянно топтался по лужице, но быстро сообразил и тот час же сам стал водой. Две волны сцепились гребешками, и началась буча. Братья вернули себе свой истинный вид, свились в клубок, и клубок покатился по полю битвы. Учитель впервые туго улыбнулся и остановил бой. Братья, помятые и растрёпанные, вернулись в остальным ученикам, вскользь самодовольно и с хитрицой косясь на Ананда, всё это время наблюдавшего за уроком, который больше походил на потасовку, чем на урок.

Акил был выше Фара, и кончик левого уха у него был загнут, как краешек страницы у книги, и прирос к уху от рождения. В каждом бенгардийце всё было прекрасно, а это небольшое своё уродство Акил ненавидел до дрожи и никому не позволял не то что шутить, даже упоминать о нём. Возможно, из-за него Акил был таким несносным и злым.

«Выходит, я был прав: кузнечик – их лап дело!» – мысленно воскликнул Ананд. Но на разборку с братьями времени не было – вот-вот начнётся занятие. А сегодняшний урок обещал быть чрезвычайно интересным.

Класс Ананда расположился там же, где и всегда – в тени старого дуба. Ученики сидели кружком и все, включая учительницу Манишу, ждали только Ананда. Тигрёнок, пряча глаза, извинился за опоздание и влился в кружок, подсев поближе к учительнице.

Маниша служила живым примером бенгардийского терпения и любви. Она была нежной и мягкой тигрицей, будто слепленная из хлебного мякиша, и все её движения, будь то поворот головы или взмах хвоста, были невесомы, неспешны и изящны, как шёпот весны, и лишены всякой тяжести, быстроты и резвости. Маниша носила ту же зелёную повязку, что и все остальные взрослые бенгардийцы, но тигрицы повязывали повязку несколько иначе, чем тигры: бенгардийки полностью закутывались в неё, оставляя открытыми лишь голову. Хвосты они покрывали расписными чехлами.

Учительница дождалась тишины, выпрямилась, приподняла подбородок, согнула кончик хвоста петелькой и заговорила с учениками, как с равными себе, сказительным, тихим, почти материнским голосом. Если бы вы там были и прислушались к тому, что сказала учительница, то, скорее всего, обладай вы острым, музыкальным слухом, расслышали бы бенгардийскую речь: «Мрао ууруррма» – что означало: «Приветствую, ученики». А ученики отвечали ей: «Мрао урур» – «Приветствую, учитель».

Учительница поклонилась ученикам – так кланяется хрупкий цветок, когда с него улетает бабочка. Ученики поклонились в ответ. Полной грудью вдохнув прохладный, ещё не иссушенный зноем воздух, она спросила:

– Скажите мне, как чувствует ваше сердце в это благословенное нашим артифексом, Белой Матерью-тигрицей, утро? А ваша душа? А ум ваш – чист?

Учительнице ответила мечтательным, заоблачным голоском одна из учениц:

– Моё сердечко сегодня, как капелька росы. А душа легче пуха. Мой ум – чист.

– Моё сердце жаркое, как южный плод. Моя душа парит, как заряженное молнией облако. Мой ум чище чистого, – бойким голосом отозвался другой ученик.

Дошла очередь и до Ананда. Он хоть и сидел ближе всех к Манише, по левую лапу от неё, но отвечал последним:

– А моё сердце в это утро, как увеличительное стекло. Душа стремится к учению, как стрела. Мой ум… – он на мгновение запнулся, вспомнив о проделке Акила с Фаром, но закончил: – Мой ум теперь тоже чист.

Маниша выслушала всех молча, не перебивая. Любой другой учитель в любой другой школе, возможно, сказал бы, что сердце, горячее, как южный плод, и душа, парящая, как заряженное молниями облако, – не совсем то, что было нужно для сегодняшнего урока. Но учительница Маниша хотела, чтобы её ученики учились на собственных ошибках, а душевное, сердечное и умственное расположение в сию же секунду не изменишь. Ничего она не сказала и про запинку Ананда, потому что верила, что всё было так, как он сказал: бенгардиец, маленький или взрослый, никогда не станет обманывать другого бенгардийца, и все отношения в Бенгардии строились на доверии.

– А что вы видите вокруг вас, какие изменения? – продолжила урок Маниша.

Ученики завертели головами, как голодные птенцы, и в каждом проснулся дух соперничества: кто же найдёт ответ первым?

– Ветка под нами, учитель, – она сломана.

Ученица с заоблачным голоском и с глазами нараспашку и вправду указывала лапой на сломанную, качающуюся на одной жалкой жилке ветку, напоминающую крыло какой-то древней птицы, вроде археоптерикса. Остальные, как по приказу, подняли морды, убедившись в её правоте. Дух соперничества пропал.

– Правильно, Чади. Молодец, – похвалила её Маниша. Чади старалась изо всех сил не показывать гордость, но её распирало, шерстинки на её шкуре распушились, и она стала похожа на шарик одуванчика. Маниша продолжила: – А почему ветвь сломана, кто-нибудь может ответить?

– Может быть, потому что её обломал какой-нибудь бенгардиец? – робко, боясь ошибиться, предположил ученик, у которого душа была сегодня, как заряженное молниями облако.

Из пасти Маниши выпорхнул белый и добрый смешок.

– Нет, мы, бенгардийцы, не ломаем ветки и вообще ничему живому не вредим.

– А если сломали ненарочно? – упорствовал ученик.

– Нет, даже ненарочно, – покачала головой учительница, тихо улыбаясь. – Потому что совестливый бенгардиец всегда исправит то, что испортил.

И тут Ананд догадался:

– Ветка ненастоящая – вы её вообразили искрой!

– А почему ты так думаешь, Ананд? – почти стерев улыбку, спросила Маниша.

– Листья! Они немного другого оттенка, отличаются от остальных. Вы, учительница Маниша, искуснее всех владеете искрой, и я думаю, вы вообразили их такими, чтобы мы заметили.

Маниша рассмеялась звонко, её смех звенел колокольчиком.

– Я не искуснее других владею искрой, Ананд. Но благодарю тебя за доброе слово. В Бенгардии достаточно бенгардийцев лучше меня. Но в одном ты прав, – она закрыла глаза, а когда открыла, ветка стала целой, – я всё выдумала. Ты, как всегда, очень внимателен.

Но никто не удивился очаровательной выдумке учительницы, не прозвучало восторженных вздохов, все только разочаровались в собственной ненаблюдательности, а в сердцах, ослеплённых, позавидовали успеху Ананда. Маниша предвидела сердечную ослеплённость своих учеников и взамен этого чувства вложила в их сердца успокоительную похвалу, без лести, правдивую, как небо. Она прекрасно понимала, почему сегодня у вверенных ей тигрят рассеяно внимание: всем не терпелось поскорее перейти ко второй и главной части урока. И каждый затаил дыхание, когда она произнесла:

– Итак, я попрошу вас всех сосредоточиться и быть предельно внимательными. Сегодня мы с вами попробуем создать живое, – сказав это, она терпеливо улыбнулась и выждала время, пока ученики вдоволь пошушукаются и попереглядываются, а потом, когда установилась тишина, продолжила: – На этом уроке мы постараемся искрой создать из пучка шерстинок живые травинки. И пусть вас не смущает, ребятишки, что ваши первые травинки будут больше похожи на грубую поделку, чем на настоящую траву, которая растёт на полях и на лугах, какой её задумала Белая Мать-тигрица, наш артифекс. Не у всех взрослых получается повторять творения Белой Матери-тигрицы! – неловко рассмеялась учительница и соткровенничала: – Вот я, например, так и не научилась превращать искрой воду в молоко.

Ребятишки загудели, не поверили: как так – не уметь превращать искрой воду в молоко? Это же сущий пустяк! Маниша подтвердила:

– Да, не у всех взрослых выходит. А вы только учитесь. И вы не артифексы: восьмой цвет вам к радуге не добавить. Но вы все дети Белой Матери-тигрицы и её ученики. А ученики, если они во всём слушаются своего учителя, однажды могут его превзойти. Но для этого, дети, нельзя никогда опускать лапы.

– А когда мы будем учиться создавать говорящих зверьков, учительница Маниша? – спросила Чади.

– Ты имеешь в виду разумных существ? – со снисходительной улыбкой поправила её учительница. – Ох, это вас ждёт ещё очень нескоро, моя дорогая! Сначала вы должны повзрослеть, вступить в совершеннолетие. Как вы уже знаете, несовершеннолетним даже травинки нельзя создать без присмотра учителя. А что до разумных существ… Создавая их, мы делимся с ними частью своей искры, частью своей души. Между нами возникает связь, очень прочная связь. Мы чувствуем то же, что чувствует наше создание, мы видим его глазами, слышим его ушами… Безусловно, оно может бороться с этой связью, путать нас, обманывать, если мы творили, когда в нашей душе был разлад. Представьте себе игру на расстроенном инструменте: вам никогда не сыграть на нём прекрасную музыку. Наше творение становится таким же сильным, как мы, выносливым, как мы, и таким же умным, как мы сами. Но существуют способы ослабить его – способы эти придуманы давно, но сейчас вам трудно будет их понять. Поэтому вы ни в коем случае не должны создавать живых разумных существ, даже задумываться об этом! Иначе это может кончиться бедой. Вы меня услышали? Молодцы. А теперь вернёмся к нашему сегодняшнему уроку: все принесли с собой шерстинки, которые ваши родители должны были собрать для вас ещё зимой, когда наша шерсть особенно густа и длинна?

Все окунули мордашки в свои сумки.

– Хорошо, а теперь вставьте шерстинки в песок. Хорошо, вот так. Они будут основой для вашего творения. Конечно, можно обойтись и без них, но на первый раз шерстинки будут вам в помощь. Напомню вам, как разжечь в себе искру – без неё, как вы уже хорошо усвоили, ничего не создашь: все закрываем глаза и сосредотачиваемся, изгоняем из головы все мысли и образы. Вы даже не должны слышать, как бьётся ваше сердце. А потом представляем то, что хотим создать, в нашем случае – молодую зелёную траву. И никогда ничего не боимся!

Ананд очень долго ждал этого занятия и прочёл много-много умных книжек о том, как это делается. К занятию он был готов, как никто другой. Но он так жадно желал, чтобы у него получилось, что не смог избавиться от этого желания и от всех мыслей, не сумел сосредоточиться и, когда приоткрыл глаза, его предвкушающая грядущую радость улыбка вмиг исчезла с мордашки, а к горлу подступили слёзы: из песка всё также плешиво торчали шерстинки зимнего меха Прабхакара – чуда не случилось.

Любой другой на его месте – конечно же, не бенгардиец, – разрыдался бы от горя и наверняка бы выбежал из класса. Но, во-первых, Ананд был истинным бенгардийцем, а истинный бенгардиец понапрасну слёз не льёт, а во-вторых, бежать было некуда и, по правде, неоткуда. Ананд посмотрел на своих товарищей: у кого из шерстинок выросли колючки, у кого, как у него самого, ничего не выросло, и шерстинки остались шерстинками. У других трава всё же получилась, но вилась кудряшками, как руно. У четвёртых она и вовсе оказалась изумрудной, на что Маниша только покачала головой и сказала, что надо было меньше думать о малахитовой траве. И только маленькой-маленькой тигрице с сердцем-росинкой и ещё парочке тигрят удалось превратить шерстинки в молодую зелёную траву – сорви и закрой такой травинкой солнце, и увидишь, что солнце просвечивает сквозь неё, как сквозь тонкое стекло. Ананд душил в себе зависть как мог.

– Не расстраивайся, Ананд, ты способен на большее. Я верю в тебя, – поддержала его учительница Маниша, подойдя сзади и заглянув ему через плечо.

Масла в огонь подлили выкрики проходящих мимо Акила с Фаром:

– Глядите-ка, у нашего всезнайки ничегошеньки не получилось!

Но за Ананда заступилась Маниша:

– Молодец, Фар! Видела сегодня, как ты надавал своему брату на тренировке. Так держать! – и подмигнула Ананду украдкой. – Какая сила, а какое владение искрой!

– Нет, вообще-то это я надавал Фару! – взвизгнул от такой несправедливости Акил и подскочил так, будто угодил задом в куст крапивы. Фар стукнул его лапой в плечо, воспряв от своего превосходства над братом, и ответил с насмешкой:

– Нет – я. Есть свидетель. Учитель Маниша врать не станет.

Вспыхнувший между братьями спор отвлёк их внимание от Ананда.

Но Ананд не вешал носа: была у него одна мыслишка… Превращать шерстинки в траву было слишком просто для такого бенгардийца, как он.

Урок закончился, наступила большая перемена, и Ананд поспешил удрать подальше от двух братьев, пока те снова не начали его задирать.

Глава 2. Молочные зубы и эдельвейсы

В завязанном узелочком платочке, который Ананд утром спрятал от отца в сумке, он хранил свои молочные зубы. Всё меняется, меняются времена года, сменяют друг друга короли на троне, и, может быть, между сменой власти и сменой молочных зубов нет большой разницы. Ананд собрал двенадцать молочных зубов.

Тигрёнок поднялся на гору. Впереди, далеко за высоким бревенчатым забором, лежал город: разбросанные, как хлебные крошки, дома с этими антеннами и проводами. В высоких каменных домах жили кинокефалы и феликефалы – двуногие, прямоходящие собачьи и кошачьи, в ус не дующие ни о какой искре. И дуть они никогда не будут, потому что искра – одна из бенгардийских тайн, и знать о ней чужакам не положено. А кинокефалы и феликефалы были для бенгардийцев как раз чужаками. Поэтому бенгардийцам запрещалось покидать деревню и тем более показываться в городе. И если какой-нибудь чужак вздумал бы сунуть свой нос в Бенгардию, умудрившись пробраться по тропкам, которые ещё не прибрал себе Малахитовый лес, миновав стену, которую чужаки сами же и прозвали «валом» – кусочек бушующего моря, нарисованный малахитовой краской, этаким заменителем искры, искра для бесталанных бездарей, а стену стережёт какой-то там отряд, вроде нашей королевской стражи, только про тот отряд ходили нехорошие слухи… А о нашей королевской страже слушки не гуляют. Потому что кроме нас, бенгардийцев, о ней никому невдомёк! Короче, если чужак сунется в нашу Бенгардию, через ворота он всё одно не пройдёт, потому что ключ от ворот есть только у истинного бенгардийца, и ключ этот – заветное слово, слово-ключ.

Усевшись поудобнее, Ананд взялся рыть лунки в земле, и в каждую лунку бросал по зубику, припорашивал лунки землёй, сооружая невысокие холмики, а холмики прихлопывал лапой. После чего закрыл глаза, и начались чудеса. Все звуки для него вдруг исчезли: смолк трубный глас дворцовых рогов, закончили песню птицы, перестали греметь стрекозы. Ананд больше не чувствовал холодную землю под лапами, и лишь у его замирающего сердца медленно разрасталось в груди тепло.

Ананд открыл глаза – все чувства постепенно возвращались к нему, будто бы он пробудился ото сна. На его мордашке расцвела улыбка, а в лунках расцвели прекрасные цветы – эдельвейсы. Каждый их лепесток был похож на львиный пальчик, такой же пушистый, белый, а на стеблях – пушок. Цветы были как настоящие, как будто сошли с картины, но среди подлинных трав и цветов эдельвейсы Ананда смотрелись чуждо: представьте себе фотографию, на которую прилепили детский рисунок. Тем не менее Ананд остался доволен, хоть он и сильно устал от своего творчества. Но счастливая улыбка скоро сошла с его мордашки, едва он услышал за спиной противный голос:

– Так, так, так, чем это тут у нас занимается Ананд? Цветочки выращивает?

Голос принадлежал Акилу.

– Да, я вырастил эти цветы из молочных зубов одной искрой, вам-то какое дело! – ответил Ананд.

Братья переглянулись, и на их хитрых мордах уже была наготове желчная усмешка.

– А разве Маниша не говорила, что вам нельзя без её ведома создавать ничего живого? – спросил Фар. Фар во всём слушался старшего брата, был сообразительным и, если бы не брат, из него бы, несомненно, получился добропорядочный бенгардиец. – Вот ты и попался, Ананд, теперь ты будешь делать всё, что мы тебе скажем, а не то!..

– А не то что? – уверенно и нагло спросил Ананд.

– Не то мы всё расскажем Манише! – опешил от такой дерзости Фар, отчего его угроза прозвучала не слишком убедительно, и он прибавил, уже скалясь: – И твоему отцу тоже. Что с

тобой сделает папочка, когда узнает, что его паинька-сынок, беленький и пушистенький, нарушил закон Бенгардии?

Страх стать нарушителем бенгардийских законов разжёг в тигрёнке ненависть, а страх быть наказанным – ненависть погасил. И, обречённо вздохнув, Ананд невозмутимо спросил:

– И что вы от меня хотите?

Братья снова переглянулись явно замышляющими очередную пакость взглядами.

– Мы здесь не от скуки по горам лазали, – начал Акил. – Мы ловили змей. Чтобы на занятии попугать девчонок. Завтра мы будем учиться ходить по канату над пропастью. Представь, какой крик поднимут девчонки, если канат вдруг окажется змеёй? Сможешь создать нам, ну… скажем, удава? Но змей должен получиться правдоподобным. Как твои цветочки, – махнул он головой на эдельвейсы. – Иначе девчонки мигом раскроют обман. А мы желаем всласть повеселиться.

– Удава? Живого удава? – засомневался Ананд.

– Ну не мёртвого же! – рассердился Акил. – Нам дохлятина ни к чему. Хотя… нам любой сгодится. Но лучше – живой!

– Но удав – животное, да ещё и змея, а все знают, что змеи очень хитрые. Мне же придётся поделиться с ним частичкой своей души, немаленькой такой частичкой, – опустил глаза тигрёнок, и голос его сник.

– Частичка не часть – ничего, справишься! – зловредно приободрил его Акил, похлопав Ананда крепкой лапой по плечу, отчего тот даже просел. – Но зато представь, как будет весело. Нам будет весело.

– Но я не могу! Меня не просто накажут, меня навсегда изгонят из Бенгардии!

– Ты отказываешься? – зло нахмурился Фар.

– Тогда попрощайся со своими сорняками! – сказал с наглой улыбкой Акил, поставил лапу на головку эдельвейса, намереваясь его растоптать, и уставился на Ананда выжидающим взглядом.

Ананд, понимая, что силой ему своих обидчиков не взять, решил брать хитростью: он моргнул, а белые лепестки эдельвейса лишь на какой-то миг стали чистым серебром, раскалились и обожгли лапу Акила. Акил, скорчив на морде гримасу боли, отдёрнул лапу и вскричал:

– Держи его!

Бежать было некуда: на земле братья добрались бы до него в два счёта, но Ананд был не промах и взмыл в небеса. Чтобы проделать такой фокус, требовалось немного: искра, наклонить мир, взбежать, например, по сосне, прыгнуть с неё, как с трамплина, и не забыть вернуть мир на круги своя. Вне школы полёты над Бенгардией и за её пределами были для несовершеннолетних под запретом, но когда нарушаешь один закон, дальше всегда проще. Пока же Ананд не задумывался над этим, а думал он лишь о том, как оторваться от погони. Тем не менее, всех бенгардийцев с малых лет обучали полётам, чтобы, если им будет угрожать опасность, сбежать в небо или же вести бой с врагом под облаками.

Ананд взлетал всё выше и выше, а Бенгардия всё удалялась и удалялась от него, хижины в деревне становились с коготок, и только королевский дворец не утратил своего величия, сияя золотом бенгардийской вязи и подпирая базальтовыми столбами небосвод. Река Армрама сверху мерещилась всего лишь голубым мазком – она была такой ничтожной и смешной, что над ней, как над всем маленьким и ничтожным, в пору было бы посмеяться. И Ананд посмеялся бы, не будь она для бенгардийцев кормилицей и потому священной. А над священным смеяться нельзя. Ананд даже чуть было не оступился на небесной дороге, рассосредоточившись, потому что его посетила мысль: а наш артифекс, Белая Мать-тигрица, она большая или маленькая? Наверное, она большая-пребольшая, чтобы никто не вздумал над ней смеяться, такая большая, что не описать! И одновременно такая маленькая, что её никто не видел. Но разве так бывает, чтобы кто-то был большим и маленьким одновременно?

Погода сегодня была лётная: облаков – не сосчитать! Ананд скакал по небу что есть мочи: перед каждым облаком приходилось закрывать глаза, представляя его чем-то вроде батута, отталкиваться от него, сжимаясь в пружину, и прыгать к следующему. А облака окрашивались во все цвета радуги и скользили дальше, как отвязанные лодочки. Шерсть трепалась, дрожа диким лесным пожаром, сердце от жесткого бега било красным крылом, а кровь жгла, но тело дрогло от высотного холода. Ананд задыхался, в горле сушило барханами, но темп он сбавлять не думал.

Ананд прыгнул на облако, похожее на трапецию, с него – на облачное плато, чтобы потом штурмовать крутизну облачного высокогорья. Преследователи чинили ему всяческие препятствия: сперва вообразили огненное кольцо, в которое Ананд ловко запрыгнул, и пламя не опалило его. И он тоже применил искру, и облако, оставленное позади, покрылось коркой льда – у Акила с Фаром заплелись лапы, они плюхнулись на животы и скатились с облака, как с горки, но не растерялись и в тот же миг возобновили погоню. Их следующая подлость не заставила долго ждать: немного отстав, Фар встал на облачке-островке, сделал грудь колесом, надул щёки и засвистел с такой отдачей, что его, наверное, было слышно во всей Бенгардии. Облака разнесло по небу, и они поплыли с медлительностью плывущих по воде листьев. Ананд только успевал перепрыгивать с одного облака на другое, с одного – на другое, но до пятого не допрыгнул и повис на нём, зацепившись за него передними лапами и болтая задними. Он понял, что ему не взобраться на облако, но уловил взглядом, как под ним проплывает ещё одно, и упал на него, и оно мучнисто рассыпалось. Из него Ананд сделал у себя за спиной воздушные, перистые крылья, и полетел быстрее и выше, а в его умаявшемся сердце появилась надежда оторваться.

Но крыльям был уготован короткий срок: Акил с Фаром собезьянничали его изобретение и тоже отрастили себе крылья. Братьям не составило труда догнать Ананда, вцепиться когтями и зубами в его крылья и оборвать их. Тот отбился задними лапами, и троица, кувыркаясь в воздухе, покатилась на самое громадное облако. Ананд бросился по нему наутёк, закрыл глаза, а когда открыл, облако под ним обернулось грозовой тучей. Акил с Фаром попятились в ужасе от грозно грызущих, бурчащих, рыскающих, кого бы ужалить, молний, сновавших туда-сюда в сгустившейся тьме.

– Да брось, Ананд! – кричал, ухмыляясь, Акил. – Мы не настолько глупы, как ты думаешь! Ты ещё не умеешь создавать молнии! Твои молнии – жалкая подделка!

– Да, дешёвые фокусы! Ими только чужаков пугать! – поддержал брата Фар и прихлопнул лапой возникшую рядом с ним загогулину света как букашку.

И братья с рыком понеслись на Ананда. Погоня продолжилась. Но продолжалась она недолго: преследователи не отставали от Ананда, шли по его следам с остервенелыми мордами и уже почти сравнялись с ним. В любой другой день Ананд с лёгкостью бы оторвался от погони, но не сегодня – слишком много сил он потратил, создавая из шерстинок – травинки, а из молочных зубов – эдельвейсы. Ананд почти смирился со своей судьбой, но страх, как это часто бывает, обставил рассудок, и тигрёнок растрачивал силы, не заботясь о том, что будет дальше. И, лишившись последних сил, Ананд подбитой из ружья птицей рухнул вниз.

Сознание покидало его, и, падая на землю, он проваливался во тьму. Но если бы в эту минуту Ананд посмотрел на себя со стороны, то увидел, как рядом с ним небо раскроила молния, и мир словно растрескался, и посыпалось цветистое крошево света. Падение замедлилось, полотно света подхватило тигрёнка и мягко опустило в реку, после чего рассеялось без остатка.

Холодная вода вернула Ананда в чувства. Акил с Фаром вытащили его на берег и обступили. На их мордах страх мешался с ненавистью – несуразная гамма чувств. Братья запыхались, они поспешно отряхнулись и высушили себя остатками искры.

– Ты что, умеешь творить настоящий свет? – с напором спросил его Акил.

Ананд, откашлявшись, бессильно поднял на братьев глаза, решил подняться, но сильная лапа снова прижала его к земле.

– Творить свет? О чём это вы? – спросил он у братьев.

– Не свет, а настоящий свет, безграмотный ты! Большая разница. Мы видели, как столб света опустил тебя прямиком в реку. Как ты это сделал? – требовал ответа Фар.

Прикинув, что это его единственная и последняя надежда поскорее избавиться от этих двоих, Ананд решительным голосом ответил:

– Да, я умею творить настоящий свет! А если вы ещё раз полезете ко мне или назовёте моего отца «кузнечиком», я подпалю вам хвосты!

А сам подумал: как это у меня получилось?

Но, как бы убедительно он не говорил, братья ему не поверили, и Акил, жёстче прижимая его к земле, процедил:

– Ты очень устал, маленький Ананд. Мы дадим тебе время передохнуть, но когда наберёшься сил, ты сделаешь нам змею. А за то, что ты обжог мне лапу, я сейчас тебе такую взбучку устрою – век не забудешь! Фар, – приказал он брату, – держи малявку за задние лапы!

Глава 3. Кочующий остров, полный цветов

Как гром среди ясного неба, раздался прекрасный голос, и он был прекрасен даже в гневе:

– Фар, только тронь Ананда!

Акил и Фар в ту же секунду привычно склонились в поклоне, вынужденно опустив вредные и разочарованные из-за сорванного возмездия глаза перед бенгардийским принцем Алатаром. Алатар был старше их всех: ему было уже шестнадцать лет – тигр необычайной красоты, такой же красоты, как оливковая ветвь. У него были изумрудно-янтарные глаза, а в янтаре его глаз золотистая радость. Его усы – точно алмазные стрелы. На нём сияли на солнце лёгкие голубые доспехи из золота и аквамарина. И только принц с королём имели на лбу зелёную звезду.

– Принц бенгардийский, чем мы удостоились такой чести? – с глумливой лестью произнёс Акил, не поднимая глаз на принца.

– Встаньте! – приказал басом Алатар. – Как вы смеете обижать того, кто меньше вас? Вы поступаете не по-бенгардийски. Что вам сделал Ананд?

Но Ананд всей душой не хотел слышать ответа, и братья быстро смекнули, что гнев принца их обойдёт, и у них на мордах заиграли подлые улыбки.

– Алатар, это мы так дурачились, только и всего! – залепетал тигрёнок, подступая к принцу. – Никто меня не обижал.

– Пошли прочь! – рявкнул Алатар.

Акил с Фаром, пресмыкаясь, со шкодливыми мордами, отвесив на прощание парочку потешных поклонов, удрали обратно в деревню. Но Акил не мог это так оставить и мысленно обратился к Ананду: «Чтобы завтра змей был готов!» Да, бенгардийцы умели общаться, не открывая рта, достаточно постучать кому-то в голову, как в парадную дверь, и, если вам откроют, мысленно передать слова.

Когда Алатар остался наедине с Анандом, он спросил:

– Теперь расскажешь мне, что случилось на самом деле?

Ананд доверял Алатару, поэтому привёл его к эдельвейсам. Принц пристально разглядывал цветы, наклонив голову набок. Ананд почему-то сгорал со стыда, и в то же время в нём говорила гордость.

– Как настоящие, – игривым голосом признал Алатар.

Ананд бросился к нему, обняв его за переднюю лапу, – стыд всё же пересилил, и тигрёнок взмолился:

– Алатарчик, пожалуйста, не выдавай меня никому!

– Не выдам, даю слово, – озарил его очаровательной улыбкой бенгардийский принц. – Но я хочу коё о чём попросить тебя. Не будешь ли так добр поделиться со мной одним из своих эдельвейсов?

Ананд с лёгким сердцем улыбнулся – как же хорошо, когда тебя понимают!

– Ну, конечно! Конечно, забирай сколько душе угодно, хоть все, мне не жалко!

– Хватит одного, – с добрым смехом решил Алатар. – Но и ты дай мне слово, что, пока не подрастёшь, никогда не будешь создавать живое искрой – это может кончиться бедой. Нельзя растрачивать свою душу на пустяки. Пусть и на пустяки подобной красоты. Но сперва мы должны выкопать эдельвейсы и унести их выше в горы: здесь их могут заметить взрослые, а если я признал в твоих цветах их ненастоящность, взрослые – и подавно. Но в тебе определённо есть талант. Большой талант. И большое непослушание.

Принц с тигрёнком выкопали эдельвейсы. Но как их перенести все сразу? Тогда Алатар предложил усадить цветы корешками в его полоски – в них раскрылась глубокая пустота,

словно внутри у тигра не было ничего. Принц ступал неспешно, словно кочующий остров, полный цветов.

Чтобы не скучать в дороге, между ними завязался разговор:

– Чужакам, чтобы сделать живые цветы, нужна малахитовая кисть и малахитовые краски. Хотел бы я посмотреть на лицо какого-нибудь кинокефала, когда он увидел бы, как тигрёнок из Бенгардии просто закрыл глаза – и на тебе, эдельвейсы! – смеялся во всё горло Алатар.

Ананд рассказал, как придумал эдельвейсы из выпавших молочных зубов.

– А зачем ты вообще за это взялся? Тебе мало занятий в школе? Нет, я понимаю, любопытство, пытливый ум и всё такое… Но ты вроде послушный ученик. И к тому же бенгардиец.

– Мне очень-очень хотелось сделать какое-нибудь чудо! – воскликнул Ананд, подпрыгивая от радости, но вдруг погрустнел и сказал: – А на уроке нас заставляют воображать траву из шерстинок, ты представляешь? Что чудесного в траве? Растёт тут и там – скука. А если чего-то много, то это уже не чудо.

– Подчас чудо кроется именно в простом. Нужно лишь по-новому взглянуть на мир, словно видишь его впервые. Проснуться в один день, выглянуть в окно и удивиться всему, как будто родился только сегодня. А тебе известно, какие эдельвейсы прихотливые и капризные? Я могу дать тебе семена, и ты попробуешь вырастить эдельвейсы сам, без искры. Тогда ты поймёшь. А если присмотришься внимательно, то увидишь силу, которая нужна зародышу, чтобы сначала превратиться в росток, а потом – в цветок. Разве эта сила, скрытая в семечке, – не чудо само по себе? И ты сказал: «Если чего-то много, то это уже не чудо». Но ты всего лишь привык. Мир стал для тебя привычен. Но стоит только отвыкнуть, как тебя ждут открытия!

После того, как они пересадили эдельвейсы на вершину горы, Ананд вернулся на занятия. А вечером, со спокойной душой возвращаясь домой со школы, он услышал за дверью своей хижины возмущённые крики:

– Ты обязан слушаться приказов своего короля!

– Ты не мой король, Савитар, – слышался голос Прабхакар. – Ты всего лишь замещаешь нашего великого короля, пока он добывает в Зелёном коридоре малахитовую траву. Наказание Ананда может подождать, пока в Бенгардию не вернётся истинный король. А пока, – голос Прабхакара стал жёстче, и отец из-под сурово сведённых бровей покосился на застывшего в дверях сына. Сын сжался под суровым взглядом отца и задрожал мелкой дрожью.

– Смотри, Прабхакар, как бы тебя не ждало наказание вслед за твоим непутёвым сынком, – сморщился Савитар, тигр тощий и длинный, как тень. – Не думай, я первым делом доложу моему королю, что ты ослушался его воли. Да, его – не моей, потому что сейчас моими устами говорит сам король Бенгардии! А ослушаться воли короля – это измена. А ты знаешь, что случается с изменниками. Твой сын не далее, как сегодня утром, нарушил один из главных законов Бенгардии: несовершеннолетний с помощью искры создал живое.

– И что же создал мой сын? – сохраняя хладнокровие, спросил Прабхакар. Савитар с лакомой улыбкой доложил ему.

– Эдельвейсы из молочных зубов? – хмыкнул с лёгкой усмешкой Прабхакар. – Но ведь это же растения, не животные. У них нет души, только жизненные соки.

– Ты смеешь оправдывать своего сына? – поднял густую чёрную бровь Савитар.

– Нет. Я лишь хочу сказать, что наказание не соразмерно вине Ананда. Нет сомнений, мой сын оступился. Но его вела любознательность, а не желание преступить закон.

Савитар довольно ухмыльнулся.

– Если тебе мало того, что твой сын нарушил один закон… Я дам слово королевской страже, – Савитар требовательно посмотрел на королевскую стражу, которая толпилась в доме Прабхакара.

Молодой, такой же красоты и стати, как Алатар, и в такой же лёгкой броне, как у принца, выступил вперёд, неловко опустил глаза, будто сам был в чём-то повинен, и, пытаясь поскорее с этим покончить, быстро проговорил:

– Сегодня ваш сын, то есть Ананд, совершил полёт над Бенгардией без разрешения учителя, приблизившись на близкое расстояние к городу, и чуть не раскрыл одну из наших тайн чужакам.

– Я не виноват! – наконец подал голос Ананд. Савитар скривил насмешливую улыбку. – За мной гнались, мне пришлось…

– И кто же за тобой гнался, Ананд? – спросил Савитар, и зловредная улыбка на его морде почти связалась в круг.

Ананд так и остался стоять с раскрытой пастью. Да, он недолюбливал Акила с Фаром, но подставлять он их не хотел.

– Я… не могу сказать.

– Можешь и не говорить. Мне известны имена – Акил и Фар. С ними мы разберёмся позже.

– Если я правильно понял тебя, Савитар, ты и королевская стража сначала нанесли визит мне, а не матери обидчиков моего сына? – спокойным, но твёрдым голосом поинтересовался Прабхакар.

– У твоего сына проступков больше, чем у его обидчиков. И они преследовали нарушителя.

– И тоже нарушили закон.

– Нарушили или нет – не тебе решать, а мне! – вскричал Савитар так, что в хижине зазвенели стёкла. – За его проступок я брошу Ананда в темницу!

– Как бы то ни было, я не отдам своего сына тебе на суд, – подвёл черту Прабхакар. – Его будет судить только мой король. А теперь попрошу всех оставить меня наедине с Анандом.

Савитар резко развернулся, на прощание метнув в Прабхакара презрительный взгляд, прогундел себе что-то под нос и вместе со стражей покинул хижину.

Отец строго покосился на сына, и у того душа ушла в пятки. Но вдруг Прабхакар смягчился, и его усы озорно распустились синими колокольчиками, а под ними задрожала шкодливая, детская улыбка.

– Мой сын создал живое! Своё первое живое! Кому скажешь – не поверят! – резвился по хижине Прабхакар, не зная, куда деть радость.

– Так ты на меня не злишься? – с недоверием спросил Ананд.

– Спрашиваешь, злюсь ли я? – удивился отец, наконец, перестав кружится. – Ну, конечно, нет! Это же твоё первое творение! Но больше так не делай, хорошо? Король явно останется недоволен твоей выходкой. Но догадываешься ли ты, что твоя выходка значит для меня?

– Не-ет… – протянул Ананд и пожалел о том, что его сейчас не ругают.

– Ты теперь можешь помогать мне с доспехами! – пропел отец. – Мы будем вместе трудиться над доспехами королевского стражника для самого бенгардийского принца!.. Ох, кажется, лишнего сболтнул… Не говори Алатару, что эти доспехи для него, пожалуйста. Видела бы тебя наша мама – спи спокойно в колыбели Вселенной… Она бы тобой гордилась, – с радостной печалью произнёс Прабхакар.

– Мама бы убила меня за такое, – наморщил лоб Ананд.

– Твоя мама была очень миролюбивой бенгардийкой. Просто она чтила законы Бенгардии, порой слишком рьяно.

На следующий день в Бенгардию вернулись добытчики малахитовой травы. Их морды были усталы, как мшистые горы, но они благоухали светлой радостью от возвращения в родные края. Весь бенгардийский народ встречал своих героев на площади, рядом с круглым фонтаном, в котором за игрой водной ряби плющились выложенные из квадратов мозаики планеты.

Зелёный коридор не зря ещё называют Малахитовым лесом, он – такое же живое существо, как и деревья, только, в отличие от деревьев, он обладает разумом и волей. Когда искатели малахитовой травы, наконец, добывают её, Коридор переносит их в то место, в котором они должны быть. А истинный бенгардиец всегда должен быть в Бенгардии. И малахитовую траву не приходиться тащить на своих горбах – она оказывается там, где ей и положено быть: в королевской сокровищнице.

Народ с ликующим восхищением встречал своих соплеменников, обступал их со всех сторон, заглядывал через головы и залезал друг другу на плечи, с зоркой и беспокойной внимательностью высматривая родных. И тому была причина: не многие возвращались из Малахитового леса живыми. Так было и в этот поход: из пятнадцати бенгардийцев вернулось тринадцать. Начальник королевской стражи – большой, как туча, тигр с обезображивающим его морду шрамом в виде раскатавшей лепестки лилии – с немым вопросом подступает к королю, приветствующего своих подданных тёплыми, как солнца, глазами. Король замечает начальника стражи, вешает голову, гул страшно обрывается, и все прислушиваются к словам короля, читают по его губам. Король во всеуслышание заявляет:

– Наши братья и сёстры были погребены по всем бенгардийским традициям: в полых стволах древних сосен. Мирных им снов в колыбели Вселенной!

Бенгардийцы никогда не плачут по ушедшим, и в скорби надевают белые одежды. А всё потому, что они знают: те, кого нет с нами, покоятся в колыбели Вселенной, им снятся добрые сны – ведь и жизнь они прожили добрую. Но бенгардийцы чтят память: в памяти жив даже тот, кто мёртв, и, пока не погаснет разум последнего живущего в этом мире, память об ушедших будет жить вечно.

У тех бенгардийцев, которые потеряли сегодня родную кровь, глаза поникли, как сорванные цветы. В такие минуты, даже если ты веришь во что-либо всем сердцем, начинаешь если не сомневаться в своей вере, то сожалеть о том, что мир устроен именно так и никак иначе.

Отец Ананда хоть и обрадовался успехам сына, но умом понимал, что вседозволенность ни к чему хорошему не приводит, и что с маленьких провинностей начинаются большие. Большое всегда начинается с малого. Поэтому на праздник Семи красок, посвящённый удачно добытой малахитовой траве, сына он не отпустил.

Когда король разделался со своими королевскими делами, Савитар, его заместитель, нашептал ему на ухо о всех преступлениях, которые совершил тигрёнок Ананд. И тогда в хижину Прабхакара снова пришла стража и отвела Ананда к Его Величеству.

Глава 4. Ри-Ри

В тронном зале чувствовались широта и простор. С высоких потолков свисали квадраты базальта. Пол был белее мела и скользкий, как зеркало. В середине зала увлечённо, словно смеясь над бедой Ананда, журчал фонтан в форме скульптур двух сидящих тигров с раскрытыми пастями. Из одной каменной пасти в другую дугой гнулась струйка воды. За балюстрадой балкона выносили приговор горы в белых судейских париках снега. Король восседал на чёрном троне из камня обсидиана, прошитого золотыми строчками бенгардийской вязи. Король взирал на Ананда с высоты престола, но в его взгляде не было высокомерия, лишь мудрость, терпение, простота и немного озорства. На лбу у него зеленела звезда.

– Ты знаешь, почему ты здесь? – первым заговорил король, голос его был мягок и глубок.

Ананд, опуская глаза, нетвёрдо кивнул и произнёс сухим, гербарным шёпотом:

– Я нарушил закон Бенгардии.

– Два закона, если быть точным.

И в эту же секунду в тронный зал ворвался залётной птицей принц Алатар.

– Отец! – вскричал он, бросаясь к престолу и поднимая на короля взывающие к жалости изумрудно-янтарные глаза. Тот поднял бровь, и в глазах Его Величества, как в озёрах, заплескалось озорство. – Не наказывай Ананда, прошу тебя! Если и наказывать, то нас обоих. Те эдельвейсы, что он создал искрой, – я помог ему их спрятать.

– И мой сын тоже нарушитель, – покачал головой король, едва сдерживая улыбку. – Дал же мне артифекс наследничка.

– Нет, Алатар говорит неправду! – заступился за принца Ананд. Принц с укором покосился на него, как бы говоря: не мешай.

– Так помогал мой сын или не помогал? – переводил взгляд с одного на другого король. – Помни, Ананд, что я могу заглянуть в душу Алатара, у меня есть такое право. И в твою тоже. Не заставляй меня этого делать, иначе я смогу уличить тебя ещё и во лжи.

Чувствуя свою вину перед Алатаром, Ананд всё же сказал правду.

– Никогда бы не подумал, чтобы мой сын… – продолжал качать головой король, уже не скрывая улыбки. – Ну что же, тогда вас двоих ждёт наказание. Ты, Алатар, на один день и одну ночь заступишь в королевскую стражу. Я помню, с какой неохотой ты задумываешься о своей будущей в ней службе. Наказание – это всегда то, что мы хотим меньше всего, то есть – исправляться.

Морда Алатара стала вдруг кислой – кислее болотной ягоды.

– А тебе, Ананд, я поручаю навести порядок во дворцовой библиотеке. Может быть, там ты почерпнёшь что-то полезное для своей души, в перерывах между тем, как будешь орудовать метлой, – улыбнулся король.

– Так значит, ни в какую темницу вы меня не бросите? – спросил Ананд.

Король громко рассмеялся, и от смеха у него забренчали доспехи.

– А ты хотел бы, чтобы тебя бросили в темницу? Кто тебе ей угрожал, Савитар?

– Д-да, Савитар… – пробормотал тигрёнок.

– С ним у нас ещё состоится разговор. Порой Савитар может быть резок в словах… Но если ты ещё раз ослушаешься, Ананд, возможно я прислушаюсь к совету своего старейшины. А теперь идите. Ваши проказы отняли у меня довольно времени, а между тем, меня ждут дела: нужно определить, сколько малахитовой травы отвесить кинокефалам и феликефалам на Земле и Третьей Земле, Терция-Терре. Ах да, и ещё кое-что… – остановил их король, и Ананд с Анандом обернулись на его голос. – Вы же понимаете, что вы не идёте в этому году на праздник Семи красок?

«Да, мой король!» – в один невесёлый голос ответили провинившиеся.

Когда они покинули тронный зал, Ананд попросил у Алатара прощения.

– Да ерунда, – ответил принц с очаровательной улыбкой. – Мы ещё легко отделались. А на праздник я всё равно не хотел идти. Каждый год одно и тоже. Мы с Санджаной думали… Ладно, расскажу тебе как-нибудь в другой раз. А то ещё, того гляди, отец услышит.

На душе у Ананда отлегло.

Библиотека блюла тишину в западном крыле дворца и уходила необъёмным конусом к самым его верхам. Как звёзды спят в серебряной пыльце, на полках спали в пыли книги, толстенные фолианты, манускрипты, пергаменты и скрижали, и не было им счёта. Чтобы добраться до высоко стоящего экземпляра, ни к чему были лестницы: из каменного пола пробивались ростки дуба – скажешь такому ростку слово-ключ, и он вырастет в могучее дерево и вознесёт тебя к той полке, которую ты ищешь, и нужная книга подсветится.

Среди золотых стеллажей, из которых скромно бросал хвосты свет, дремала даже полутьма. В библиотеке, как ей и положено, имелся библиотекарь – длинный, как бамбук, тигр: он лежал, прислонившись спиной к дубу, и читал до того вдумчиво, что полоски на его шкуре шевелились извилинами. Книга, красная, будто к её лицу от смущения, что она была такой толстой, прилилась кровь, зависла перед мордой библиотекаря, а страницы переворачивались сами собой – искра, не иначе! Тигр, кажется, не заметил, как пришёл Ананд, или делал вид, что не замечает.

– Ри-Ри! – обратился к нему Ананд. – Меня прислали помогать вам! Меня наказали… Ри-Ри?

– А? Что? – тигр вздрогнул, книга упала и стукнула его по носу. – Никакого с вами, проказники, сосредоточения! – проворчал он, снял книгу с морды и положил её себе на грудь, но тут же подобрел и приветливо улыбнулся.

– «С вами»? Я что здесь – не один буду убираться? – настороженно спросил тигрёнок.

– Ты не первый ко мне пожаловал, нет-нет! – замахал лапами Ри-Ри, словно отгоняя назойливую мошкару. – Ананд, верно? Сын королевского кузнеца?

Ананд утвердительно кивнул.

– Будешь прибираться на полках с ядовитыми растениями. Те книги уже давно никто не брал. Последний раз это был наш принц. Поэтому пылищи там: береги нос и не навернись с дерева! Искрой пользоваться не возбраняется, только береги силы. После того, что ты вчера учудил, их у тебя, должно быть, остались сущие капли. Как выдохнешься, пускай в дело свой хвост. Не всё же ему попадать в неприятности – пусть послужит на благое дело!

– А что вы такое читаете? – с любопытством спросил Ананд.

– «Бенгардийский дом» – жутко интересно узнать о себе что-нибудь новенькое!

И правда, сейчас Ананд разглядел золотое тиснение букв на красной твёрдой обложке, они так и гласили: «Бенгардийский дом».

– О вас написали книгу? – удивлённо протянул Ананд.

– Нет, она не обо мне. Она о нас всех, о бенгардийцах. Свод законов Бенгардии, её уклад, то есть как мы тут все, в Бенгардии, живём, чем дышим. Написана книга чужаками для чужаков. А мне доверили её проверять: не просочились ли в эту книжку какие-нибудь из наших бенгардийских тайн?

– Ну и как, не просочились? – заулыбался Ананд.

– Пока вроде нет. Но сколько же о нас нелепиц слагают: будто мы растём не по дням, а по часам! – хрюкнул Ри-Ри.

– Какая же это нелепица – это чистая правда! – изумлённо воскликнул Ананд.

– Ну, так это для нас – правда, а для них, для чужаков, – вымысел! И как они до этого только додумались? – усмехнулся библиотекарь. После чего поделился с Анандом словом-ключом от полки с книгами про ядовитые растения. Но предупредил, что росток строптивый: когда Ри-Ри придумывал слово-ключ, дубок всё испортил, и поэтому оно звучит так странно. Но

как дубок испортил слово – Ри-Ри не сказал, лишь шкодливо ухмыльнулся и снова уткнулся в воспаривший над его головой «Бенгардийский дом».

Ананд встал под ростком и чётко произнёс слово-ключ: «Ого, книг! Гинк-ого!» Росток заплясал, сочно захрустел, как книжный корешок, заскрипел, как седло, и с щедрым шорохом зашелестел листвой. В мгновение ока он вырос до молодого дубка, усадив на свою гривастую голову тигрёнка, а из дубка спустя то же мгновение превратился в полноправный дуб. Повиснув вниз головой, Ананд крепко ухватился за ветвь, которая всё надувалась и надувалась, пока дерево не прекратило расти. Теперь-то Ананд понял, почему Ри-Ри назвал дубок строптивым, а слово-ключ больше не казалось странным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.